

Прелюдия в миноре

Пьеса в двух действиях

Авторизованный перевод со словацкого

Виктории Каменской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОТЕЦ.

БАНОВСКИЙ.

СТРАХ.

ЯКУБ.

ЯНА.

ПЕТЕР.

БАБУШКА.

МАТЬ.

ОФИЦИАНТ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Ранний летний вечер. В садовом кресле сидит доктор С т р а х. Входит П е т е р, сосредоточенно слушающий музыку: кассетный магнитофон на ремешке свисает с шеи, на голове – наушники. Приближается к доктору Страху; заметив его, сдвигает наушники.

Петер (робко). Здравствуйте, доктор.

Страх. Добрый день, Петер. (Показывая на магнитофон.) Диско?

Петер (отрицательно покачав головой). Гайдн.

Страх (дружески). Нравится?

Петер (кивает). Очень. Можно вас о чем-то спросить?

Страх. Конечно.

Петер (выключив магнитофон). Как вы считаете, после травмы головы всегда бывают нежелательные последствия?

Страх. Отнюдь не всегда.

Петер. Но все-таки бывают?

Страх. Бывают.

Петер. Так что...

Страх. ... пострадавший должен иметь в виду, что его могу считать...

Петер (договаривает). ... идиотом?

Страх. Это слишком сильно сказано.

Петер. Но по сути...

Страх. Важно истинное положение вещей, а не что считают другие.

Петер. Вы любите Гайдна?

Страх. Честно говоря, не знаю... В последний раз я был на концерте лет... двенадцать назад.

Петер. Давно.

Страх (*задумавшись*). Очень давно.

Петер. Простите, что помешал.

Страх. Ты не мешаешь.

Петер (*включив магнитофон*). Я пойду... До свиданья. (*Надев наушники, неторопливо удаляется.*)

Доктор Страх, проводив его взглядом, задумчиво закуривает сигарету. Входит Яна, волоча за собой коляску с клюшками для мини-гольфа.

Яна (*остановившись возле Страх*). Скучаете?

Страх. Ничуть. Не посидите со мной?

Яна (*показывая на клюшки*). Вас еще не заставляли играть в мини-гольф?

Страх. Заставляли.

Яна. И у вас хватило сил устоять?

Страх кивает.

Даже перед такой красавицей, как моя мамаша?

Страх снова кивает.

Но признайтесь – это было нелегко?

Страх. Я не играю в мини-гольф.

Яна (*развеселившись*). Ужасное упущение! У нас дома людей делят на тех, кто играет в мини-гольф, и на всех остальных. Вы-то вполне можете себе это позволить.

Страх. Что?

Яна. Не играть в мини-гольф.

Страх. Думаете, могу?

Яна (*шарит в мешке с клюшками, вытаскивает бутылку и стопку*). Хотите? (*Наливает.*)

Страх. Это неотъемлемая часть спортивного инвентаря?

Яна (*подает стопку Страху*). Безусловно.

Страх (*нюхает*). Можжевеловка.

Яна. Хороша? (*Сует бутылку в мешок.*)

Страх. Вам бы больше подошло виски или что-нибудь в этом роде...

Яна. Можжевеловку мы держим для садовника.

Страх. Как? У вас есть и садовник?

Яна. Не совсем наш, но... Словом, когда он приходит, мы наливаем ему можжевеловки... Понимаете, он из тех, кого угощают можжевеловкой. Мастеру, ремонтирующему телевизор, подносят водку, зубного врача потчуют коньяком... У нас все строго регламентировано, все разложено по полочкам. Но я добровольно перешла в лагерь трудящихся, предпочитаю можжевеловку. Папа с мамой, конечно, и не подозревают.

Страх. А к какой категории отношусь я?

Яна. Скоро сами увидите. Родители очень гостеприимны. Вам еще неизвестно, чего от вас хотят?

Страх. Очевидно, кому-нибудь что-нибудь надо резать. Вы случайно не знаете – кому?

Яна. Не знаю... Отец хоть и устал порядком, но в общем-то абсолютно здоров, мама вроде бы тоже не из тех, по ком плачет операционный стол. Разве что Петер, но его уже... вы ведь знаете?

Страх. Забавно. Может, для профилактики?

Яна. Не исключено. Планирование в нашем семействе на высоте. А четкое планирование требует прозорливости, не так ли?

Страх (*хочет переменить тему*). Вы давно здесь живете?

Яна. Не так давно, как кажется. А что – недурно устроились? Короче – мы нувориши. Вы это хотели знать?
Издалека доносится песня Якуба.

Страх. Ваше поколение любит все обнажать и огрублять. Вы называете вещи своими именами и склонны преувеличивать... Словом, ваша откровенность порой больно ранит. Между прочим, знаете когда я понял, что старею?

Яна молча отрицательно качает головой.

Когда впервые заметил, что откровенность вашего поколения меня пугает.

Появляется Я к у б с гитарой.

Якуб (*ударяет по струнам, поет*).

В тревожный утренний час
Гуляет ветер по крышам,
И рыжий шарик вверху
Подмигнет слегка,
А я гитару беру –
Пусть даже мертвый услышит! –
На перекрестке стою,
Шальному ветру пою
И облакам.
А ваш красивый уют
Пошлю к чертям!

Яна (*раздраженно*). Этого типа зовут Якуб. Сам бы он ни за что не сообразил представиться. Правила вежливости для него не существуют.

Якуб (*с улыбкой до ушей*). Напротив! (*Протягивает Страху руку.*) Меня зовут Якуб.

Страх (*подавая Якубу руку*). Страх.

Якуб (*насмешливо смотрит на него*). Офигеть!

Яна (*быстро*). Доктор Страх.

Якуб. Вас, правда, зовут Страх?

Страх. Да, уже почти пятьдесят лет.

Якуб. Но не пытайтесь меня убедить, будто вы уже пятьдесят лет – доктор!

Страх. Я и не пытаюсь. Я только говорю, что уже пятьдесят лет ношу фамилию Страх.

Якуб (*Яне*). Какого же черта ты приплела сюда доктора?

Яна (*подыгрывая ему*). Его и правда зовут доктор Страх.

Якуб. Ага. Но только что он уверял меня, будто ему еще нет семидесяти пяти. А значит, его вовсе не пятьдесят лет зовут доктор Страх. Пятьдесят лет его могут звать просто Страх. Доктор Страх он пятьдесят лет минус... Сколько лет изучают медицину, доктор?

Страх (*спокойно*). Пять с половиной.

Якуб. А сколько лет учились вы?

Страх. Я же сказал...

Якуб (*продолжая игру*). Вы сказали, сколько лет учатся вообще, а не сколько лет учились вы.

Страх. Прекрасно. Но не пора ли кончать?

Яна. И я так думаю.

Якуб. Кажется, я вас обидел?

Страх. Зря старались.

Якуб. Рад слышать. (*Фамильярно хлопает Страху по плечу*.) Надеюсь, вы не психиатр?

Страх отрицательно качает головой.

Ага, значит, гинеколог! Тут для вас припасли клиенток всех возрастных категорий. Недурной выбор!

Яна. Делаешь успехи, сокровище! Ну-ну, продолжай в том же духе, от тебя и так уже всех тошнит.

Якуб. Ах, вот как! Видать, я здесь не ко двору. (*Берет на гитаре аккорд, поет начало припева.*)

Пускай опять
Меня обманет фортуна,
Вдвоем с тобой
Мне горе – трын-трава!

Замолкает.

Страх. Можете спокойно продолжать.

Якуб. Извините, не знал, что вы здесь хозяин. Ладно, я пошел.

Яна. Скатертью дорожка.

Якуб (*ленивой походкой удаляется, продолжая петь*).

Пускай опять
Меня обманет фортуна,
Вдвоем с тобой
Мне горе – трын-трава!
Придет беда,
Я вновь ударю по струнам,
И в трудный час
Пускай помогут нам
Как всегда
Моей любви слова!

Страх (*после натянутой паузы. Делает неуклюжую попытку завязать разговор*). Тут у вас... хорошо.

Яна. Да, недурно...

Страх. Это... ваш?..

Яна. К сожалению, да.

Страх. К сожалению? Тогда зачем?

Яна. Кабы я знала!

Страх. Но чем-то он вас все-таки притягивает?

Яна. Если вы намекаете на секс, то ошибаетесь.

Страх. Возможно, он хорошо играет на гитаре?

Яна. Ах, оставьте... *(Насмешливо.)* Два-три аккорда – вот и все его искусство, ему все одно – знай тренькает, что под Баха, что под Карела Влаха, воплощенный протест-зонг! Протест против всех и вся! За то и из института вышибли. Герой! Для товарищей он недостижимый образец отваги и чести. Как же! Рукоплещут ему. Но сами-то потихоньку полегоньку учатся, а он, дурак... Да что тут говорить...

Страх. Чем же он занимается?

Яна. Работает помощником минера. Немного обучился на каменщика, в свободное время строит гаражи... Вы бы не поверили, сколько народу теперь хочет иметь свой гараж! Денег у него куры не клюют, расшвыривает их направо и налево...

Страх. Способный юноша.

Яна. Вы правы, способный. На все.

Страх. А что ваши родители?

Яна. Видеть его не могут. С этим все ясно.

Страх. Он не играет в мини-гольф?

Яна. Просто никому не желает подыгрывать! А у моих предков аллергия на людей, которые не признают их правил.

Страх. Это предупреждение?

Яна. Информация.

Страх. Бедняга Якуб. А гараж вашим родителям не нужен?

Яна отрицательно крутит головой.

А дачу он бы мог построить?

Яна. У нас гараж на две машины. Дача тоже есть.

Страх. Жаль.

Яна. Жалеть его не приходится. Он появился здесь на весьма развитом этапе нашего семейного социализма. У нас уже – не каждому по труду, а каждому по потребностям... Даже не по потребностям, а по прихотям и желаниям.

Страх. Значит, все в порядке? А кажется, будто вам это по душе.

Яна. Я имею в виду только материальные запросы.

Страх. Если вы недооцениваете эту сторону жизни, то вашими устами говорит молодость. Родители, очевидно, иного мнения.

Яна. Еще бы!

Страх. И знаете – почему?

Яна. Другое поколение, другая шкала ценностей.

Страх. Ошибаетесь. Они этих ценностей добивались, а вы пришли на готовенькое.

Яна. Вы не можете говорить иначе. Вы – из их поколения. Их ценности автоматически становятся вашими. Не знаю почему, но мне показалось – вы не такой... Остается только пожалеть вас.

Страх. Вы водите машину?

Яна. Да.

Страх. Наверняка с большой скоростью.

Яна. Какое это имеет отношение...

Страх. Скорость – неосознанное проявление торопливости.

Яна. Думаете, я слишком тороплюсь?

Страх. Вам виднее. А может – и нет. Может, в этой спешке вы и сами не сознаете, что все время торопитесь.

Яна. Приведите пример.

Страх. Вы знакомы со мной каких-нибудь два часа, а уже меня жалеете. И только потому, что считаете типичным представителем своего поколения.

Яна. А это не так?

Страх. Допустим, что так. Но ведь это еще не повод, чтобы жалеть меня, чтобы списывать меня со счетов...

Яна (*с налетом агрессивности*). Нас ваше поколение тоже списало со счетов!

Страх (*спокойно*). Глупости.

Яна. А нет?! Вы отняли у нас отрочество, пору созревания...

Страх. Не беспокойтесь. Об этом позаботятся ваши гормоны.

Яна. Вы организуете нашу жизнь!

Страх (*с улыбкой*). Я?! Господь с вами!

Яна. Речь не о вас лично. Обо всем поколении. Но больше об этом ни слова. Обещаю.

Входят Отец и Мать, молодежь, довольные собой и своим благополучием.

Отец. Вот вы где!

Мать. А мы вас искали, искали...

Яна (*вызывающе*). И где же вы нас искали?

Мать (*несколько обескуражена*). Около бассейна, за домом... на летней кухне, у гриля...

Яна (*лениво поднимаясь с кресла*). Хотите есть?

Отец. Я принесу еще кресла. (*Яне.*) Ты мне поможешь?

Яна. С превеликим удовольствием.

Отец и Яна уходят.

Мать. Вам нравится у нас?

Страх. Здесь... приятно.

Мать. Не помешало бы, чтоб сад был чуть побольше.

Страх. В самом деле, очень красиво.

Мать. Видели бы вы, что тут было, когда мы переехали... Настоящие джунгли!

Страх (*стараясь поддержать светскую беседу*). Могу себе представить. Но теперь...

Мать. Многого еще не достает. На будущий год, если доживем, мы хотим построить перголу – понимаете, ряд легких арок, сверху решетка и плющ... Этакое тихое пристанище... (*Удовлетворенно озирает сад.*)

Прежде тут была крошечная беседка, непригодная даже как память о прошлом... Ах, я все говорю, говорю и не предложила вам чего-нибудь. Эта Яна... Не знаю, в кого она такая невнимательная.

Появляются Отец и Яна, несут легкие бамбуковые креслица, Отец свободной рукой толкает сервировочный столик.

Отец. А вот и мы! Если Магомет не идет к горе, гора и так далее. (*Легко расставляет кресла. Сразу видно, что это человек энергичный, привыкший к физическому труду, каждое его движение рационально и продумано.*) Присаживайтесь. Виски?

Страх (*садится*). Лучше можжевеловки, если найдется.

Отец (*чуть растерянно*). Хммм... Это... как-то... Можжевеловки мы не захватили.

Страх (*искоса глянув на Яну*). Ладно, буду пить виски.

Мать (*охотно берет на себя роль радушной хозяйки*). Со льдом?

Страх. Не извольте беспокоиться.

Мать. Какое тут беспокойство... Вот термос со льдом. (*Сервирует.*) Прошу вас. Еще немножко льда?

Страх. Отлично. Благодарю.

Отец. За то, чтобы вы почаще у нас бывали, доктор. Ваше здоровье.

Яна (*с невинным видом*). Я бы могла сбежать за можжевеловкой. Не знаю только, когда тут был садовник... осталось ли после него?

Мать (*бросив на Яну уничтожающий взгляд*). Разумеется, можжевеловка у нас есть. Если не найдешь в баре, загляни в чулан. На полке возле двери.

Яна (*с ослепительной улыбкой*). Хорошо, мамочка. (*Быстро уходит.*)

Страх (*невинно*). О каком садовнике она говорила?

Мать. Понятия не имею. Еще кубик льда?

Страх. Спасибо.

Отец (*с улыбкой*). Спасибо – да, или спасибо – нет?

Страх (*тоже с улыбкой*). Спасибо – да.

Отец. Как жаль, что вы не играете в мини-гольф... Весьма приятный вид спорта.

Страх. Я играю в теннис... немножко.

Отец. Теннисного корта у нас, к сожалению, нет.

Страх. Я не это имел в виду. Просто – и в теннисе есть своя прелесть.

Мать. Во время игры в теннис приходится слишком много бегать, мой муж предпочитает более спокойные развлечения.

Отец. Ты не приготовишь нам чего-нибудь закусить?

Мать (*не поняв намека*). Скоро будет ужин.

Отец (*нетерпеливо*). Я хотел бы съесть что-нибудь до ужина, дорогая.

Мать. Разумеется, разумеется. (*Страху.*) Прошу меня извинить, я на минутку удалюсь.

Отец. И скажи Яне, что можжевеловка больше не нужна. Мы окончательно перешли на виски, правда, доктор?

Страх. Не возражаю.

Мать. Вам хватает льда?

Отец. Нам хватит всего.

Мать удаляется, не забывая следить за своей походкой.

Страх. Перейдем к делу?

Отец (*невинно*). Я вас не понимаю...

Страх (*сухо*). К тому, ради чего меня пригласили.

Отец. Однако, доктор, за кого вы меня принимаете!

Страх. Я заметил, как вы очистили территорию. И, кроме того... Мне кажется, я не настолько интересный собеседник, чтобы меня приглашали просто так, ради моего личного обаяния.

Отец. Ага, Яна хорошо поработала! Полагаю, зарисовала нас в самых привлекательных красках... (*С улыбкой.*) Как видите, доктор, я под собственной крышей пригрел агента вражеской пропаганды.

Страх. А ваш мальчик? Как его здоровье?

Отец. Не будем касаться этой темы.

Страх. Что же тогда говорить мне? У меня трое сыновей. И даже младший перерос меня на двадцать сантиметров.

Отец (*с пониманием кивнув*). Пойдут по вашим стопам?

Страх. Возможно, младший.

Отец. Почему – возможно?

Страх. Сами знаете, как сейчас трудно попасть в высшее учебное заведение... Особенно в медицинское.

Отец. Когда этот вопрос станет актуальным?

Страх. Через два года.

Отец. Звякните мне. Я бы мог кое-что для вас сделать.

Страх. Будет лучше, если этого не потребуется.

Отец. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. И пусть вас не смущает, что я не из вашей братии. (*После паузы.*) Доктор, у вас в отделении лежит инженер Бановский.

Страх. Я его оперировал.

Отец. Это мой коллега и близкий друг.

Страх. Я делал что мог. Я всегда делаю что могу.

Отец. Хотелось бы выразить вам благодарность.

Страх. Это моя обязанность. Моя профессия.

Отец. Не могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Страх. Не понимаю...

Отец. Каждому бывает нужно что-нибудь устроить, организовать...

Страх. У меня уже была пани Бановская.

Отец. Хотела вручить вам конверт?

Страх. При случае извинитесь за меня. Скажите, что у меня устаревшие понятия...

Отец. Очевидно, у вас не слишком много друзей.

Страх. Не жалеюсь.

Отец. Люди обычно не любят тех, кто ни от кого ничего не берет. Уважают, но решительно не любят, поверьте... Пожалуй, именно потому, что обязаны уважать.

Страх. Вы имеете в виду тот злополучный конверт?

Отец. Часто независимость принимают за надменность. А излишняя добропорядочность порой только мешает.

Страх. Возможно, вы и правы.

Отец. Наверняка, прав. Взять, к примеру, этот конверт. Вы его не приняли... Но ведь... *(Подыскивает слова.)* ... ведь это все равно как если бы вы отказались выдать гарантию или поставить под своей работой подпись. Пани Бановская не просыхает от слез. Боится, что операция прошла неудачно... Хирург... да, и хирург должен быть чуточку психологом.

Страх. Я с вами согласен и в своей практике к этому стремлюсь... Но делать столь широкие выводы из-за какого-то конверта...

Отец *(деловым тоном)*. Сколько среди вас таких, что не возьмут?

Страх. Не знаю.

Отец. Впрочем, мы уклонились от темы. Говорят... Инженер Бановский... *(Выжидательно умолкает.)*

Страх. Обнаружена опухоль. Но могу вас заверить – не злокачественная.

Отец. Ручаетесь?

Страх. Гистологический анализ подтвердил. Ничего опасного.

Отец. Но я слышал, его облучают.

Страх. Обычная терапия. Не хочу обременять вас медицинскими подробностями... Вы мне, не специалисту, тоже вряд ли смогли бы объяснить тонкости своей профессии...

Отец. Сколько времени он будет нетрудоспособен?

Страх. Полагаю... месяца два-три...

Отец *(задумавшись)*. Выходит, целый квартал. А потом он сможет выполнять свои обязанности?

Страх. Сие уже от нас не зависит.

Отец. Скажем иначе: я хотел бы знать, сможет ли он выполнять работу, требующую психических нагрузок? Видите ли, доктор, такая болезнь меняет человека... Даже если окажется, что опухоль... не злокачественная.

Страх. По-моему, Бановский – крепкий мужик.

Отец. Верно. То есть был крепкий. Вы, очевидно, не знаете: мы с ним вместе начинали... Такого трудягу поискать надо. Долгие годы мы вместе тянули лямку. Понастроили столько, что получился бы порядочный городишко. Со всей инфраструктурой, как нынче принято говорить. Если бы он оставался на прежней работе, был бы теперь кавалером Золотой Звезды, поверьте.

Страх. В чем же ошибка?

Отец. Я уговорил его учиться... Возможно, если бы мы оба по-прежнему не расставались с мастерком...

Яна *(входя, слышит его последнюю реплику)*. Ага, папаша вспоминает свое пролетарское прошлое! Рановато начал. Стареешь, рабочий класс, стареешь!

Отец. От кого ты унаследовала такое остроумие?

Яна. От тебя, мой рабочий класс!

Отец *(с добродушной улыбкой)*. Вот вам, пожалуйста, воспитывайте детей...

Яна. Жалуешься?

Отец *(с юмором)*. Могло быть и хуже.

Появляется Якуб без гитары.

Якуб. Надеюсь, я не помешал? (*Непринужденно садится.*) Ну что? Вас уже уломали?

Страх (*в некотором замешательстве*). Откуда вы взяли, что меня кто-то уламывает?

Якуб. Обратитесь к окулисту. Диагноз: близорукость. Я бы и по-латыни мог сказать, да боюсь – общество меня не поймет. (*Страху.*) Не нужно ли вам что-нибудь устроить, организовать? Если да – вы на верном пути. Никто от вас ничего не потребует. Во всяком случае – тут же, немедленно... Достаточно вашей благодарности.

Отец (*еле сдерживаясь*). Яна, прошу тебя...

Яна (*берет Якуба под руку и уводит*). Пойдем, Якуб. Нас тут не любят.

Якуб (*уходя*). Не радуйтесь, я еще вернусь!

Яна и Якуб уходят.

Страх (*после короткой паузы*). Не завидую вам.

Отец. Со временем ко всему привыкаешь. По-своему я этого шалопаю даже люблю. Но оказаться на Янином месте не хотел бы. Меня пугает его молодая непримиримость.

Страх. А вам не кажется, что это только игра?

Отец. Боюсь, что нет.

Страх. Со временем все пройдет... (*Задумавшись.*) К сожалению.

Отец (*оторвавшись от каких-то размышлений*). Что вы сказали?

Страх. Ничего... Со временем, говорю, пройдет. С возрастом... Когда-то мы тоже собирались разрушить мир.

Отец. Скорее построить. Я каменщик.

Страх. Были каменщиком.

Отец. Вы так думаете?

Страх. Покажите руки.

Отец (*протягивает руки ладонями вверх*). Ну?

Страх (*смотрит на его руки*). Это было давно.

Отец (*убирая руки*). Возможно, сейчас уже мозолей и не разглядишь... Но тут... (*Бьет себя в грудь.*) Тут все в порядке.

Страх. Пожалуй, мне пора... Уже поздно. Скажите, что вам от меня нужно – и я пойду.

Отец (*горько*). Значит, ко всему, что наболтал Якуб, вы отнеслись серьезно?

Страх. Вы меня недооцениваете. Якуб тут ни при чем.

Отец. Могли бы вы как лечащий врач посоветовать Бановскому, чтобы он попросил перевести его на другую работу?

Страх. Отчего вы не скажете ему сами?

Отец. Никак не решусь на этот акт милосердия. В последнее время он не тянет... Работает... работает, как лошадь, но не тянет. Не справляется.

Страх. У вас на примете кто-нибудь получше?

Отец (*беспомощно пожав плечами*). Пожалуй, поэффективнее. Лучше его нет и быть не может... по крайней мере для меня.

Страх. И все же вы хотите, чтобы он ушел?

Отец. Для него же.

Страх. А для вас?

Отец. Для меня – нет.

Страх. Тогда зачем?

Отец. Я позвал вас, чтобы вы помогли, исповедоваться я не собираюсь.

Страх. Вот и скажите ему сами.

Отец. Мне тоже нелегко, можете поверить. Не знаю, как вам объяснить... Короче – это в интересах предприятия. Бановский недостаточно современен, не справляется с новыми задачами. Его принципиальность можно выставлять в музей. Словом, это роскошь, которая нам не по карману. Нынче без умения лавировать, оказывать взаимные услуги не выстроишь и газетного киоска, а мы оперируем сотнями миллионов! Тут уж мало категорий добра и зла. Они из области детских сказок... Не знаю, понимаете ли вы меня...

Страх (*тоном протеста*). Почему же вы не скажете ему сами? Думаю, он это заслужил.

Отец. Можно кое-что сказать вам, доктор?

Страх. Разумеется.

Отец. Вы напоминаете мне Бановского. Мало понимать. Надо действовать. Во имя ваших же детей, вашей семьи. Иначе они не простят вам никогда. (*Достав из нагрудного кармана какой-то документ, протягивает Страху.*) Вот. Надеюсь, вы это оцените, и ваши дети не будут считать вас таким уж старомодным...

Страх. Что это?

Отец. Водительские права вашего сына. Их отобрали неделю назад.

Страх. Не похвастал, паршивец. (*Кладет права на столик перед Отцом.*)

Отец. Можете ему вернуть.

Страх. Но... как эта штука оказалась у вас?

Отец. Выяснилось, что нарушение было не столь уж серьезным.

Страх (*поднимаясь с кресла*). Разберитесь с ним сами. Спокойной ночи.

Входит М а т ь.

Мать. Ужин готов.

Отец (*жестом пропуская Страху вперед*). Прошу к столу.

Свет гаснет.

Картина вторая

Гостиная. В углу суетится М а т ь, завершая приготовления к праздничному обеду. Входит Б а б у ш к а с большой фарфоровой миской, в которой сбивает сливки.

Бабушка (*показывает содержимое миски*). Хватит?

Мать. Зачем ты это сюда принесла, мама? Опять накапаешь на ковер!

Бабушка. Хватит?

Мать. Да, да!

Бабушка. Можно сыпать сахар?

Мать. Можно, только на кухне.

Бабушка. Нешто я не знаю, что на кухне? Да не бойся ты за свои половики!

Мать. Ты хоть представляешь, сколько такой ковер стоил?

Бабушка. Где уж мне! По-твоему, я вообще ни о чем не имею понятия.

Мать. Все еще не вернулась?

Бабушка. Нет.

Мать. Думаешь, сдала?

Бабушка. А то нет? Девчонка в отца. Голова у ней варит. Эта не пропадет.

Мать. Последнее время она почти не занималась. Шатается по улицам со своим Якубом!

Бабушка. В ее возрасте и ты...

Мать. Не начинай, мама. Я всегда знала, чего хочу.

Бабушка. И она знает, не бойся.

Мать. Твоими бы устами да мед пить.

Бабушка. За Яну беспокоиться нечего. Только бы сами вы знали, чего хотите. Может, ждешь для нее принца на белом коне? Смотри, Эленка, не просчитайся! Принцы-то нынче только в сказках водятся.

Мать. Слышала бы тебя Яна... вот бы порадовалась!

Входит Отец.

Отец. Ты не знаешь, где мой галстук в крапинку?

Мать. У тебя шесть галстуков в крапинку.

Отец. Темносиний, из Будапешта.

Мать. На левой дверце второго шкафа, третий слева.

Отец (*восхищенно*). Ты могла бы заведовать складом!

Мать. Кому-то надо заботиться о порядке. Ты предпочел бы полчаса заниматься поисками?

Отец. Нет, конечно, нет! Порядок должен быть во всем. Я – за. Когда будем обедать?

Мать. Как только вернется Яна.

Отец. Позовите меня, я еще не все сложил.

Мать. Какой чемодан ты берешь?

Отец. Серый.

Мать. А не будет мал?

Отец. Я еду всего на шесть дней. (*Уходит.*)

Бабушка. Слишком много он ездит.

Мать. Служба... Теперь ему приходится ездить и за Бановского. Почти полгода тянет лямку за двоих.

Бабушка. Кабы заболел он, тянул бы Бановский. Да вот хоть в позапрошлый год..

Входит Яна.

Яна. Приветик!

Бабушка. Здравствуй.

Мать поднимает руку с растопыренными пятью пальцами. Яна отрицательно крутит головой. Мать убирает большой палец. Яна снова крутит головой.

Мать (*с упрёком*). Надеюсь, не тройка?

Яна (*подойдя к Матери, обнимает ее*). И тройка государственная оценка, мамулечка. Главное – с плеч долой, правда, бабушка?

Бабушка. Лучше синица в руке...

Мать. Еще и синицу приплела! Похвали ее, похвали свою ненаглядную. (*Яне*.) Отцу лучше не говори... Расстроишь его перед дорогой.

Яна (*обходит вокруг стола, внимательно его осматривая*). Снова уезжает?

Мать. На промышленную ярмарку.

Яна. Список получил?

Бабушка. Какой список?

Яна. Ты не знаешь?

Мать. Прекрати.

Яна. Отец из года в год ездит со списком поручений.

Бабушка. Бедняга Адам!

Мать. Не слушай ты ее!

Яна. Скажешь, вру?

Мать. Пара вещиц. И говорить-то не о чем!

Входит Отец.

Отец. Привет, отличница! Как дела?

Мать (*опережая Яну*). Четверка.

Отец. Ладно, невелика беда. По какому предмету?

Яна. Статистика. Точные итоги неточных цифровых данных. Скучища дикая!

Отец. Ну, будем мы, в конце концов, обедать?

Мать. Сейчас, сейчас...

Яна. Можешь не торопиться, мы еще не все в сборе.

Мать. Как это – не все?

Яна. Я пригласила Якуба.

Мать. Какая приятная новость!

Отец (*недовольный уходит*). Я уже наелся.

Яна. Пожалуйста: мама, могу я пригласить на обед Якуба?

Мать. Ну и юмор у тебя! Он хоть умеет пользоваться вилкой?

Яна. Сомневаюсь. Сосиски в тесте он ест руками.

Мать. Вот и пригласила бы его в любую забегаловку на эти самые... сосиски в тесте.

Бабушка. Не понимаю, что вы все ополчились на парня?

Яна (*с юмором*). Кто – все?

Бабушка. Я говорю о твоих родителях.

Мать. Он же обыкновенный бродяга!

Бабушка. Не преувеличивай, Эленка!

Яна. Этот бродяга в перспективе – член нашего семейства.

Мать. Надеюсь, ты это не серьезно?

Яна (*спокойно*). Совершенно серьезно.

Мать. Только через мой труп!

Бабушка. Полно тебе, Эленка, этот паренек...

Мать. Не лезь не в свое дело!

Бабушка. Не буду, не буду, но я думаю...

Мать. Меня не интересует, что ты думаешь!

Бабушка. А жаль. Не мешало бы тебе вспомнить, как начинали вы с Адамом.

Мать. Но Адам чего-то достиг!

Бабушка. И этот достигнет. Разве кто наперед знает?

Мать. Хоть ты меня не расстраивай!

Яна. В конце концов, это мой обед!

Мать. Разумеется. Только никто не предполагал, что мы будем праздновать получение тройки.

Яна. Я заслужила ее честно. Еще чуть-чуть – и была бы четверка.

Мать (*иронически*). Странно, почему профессор все-таки поставил тройку?

Бабушка. Кто когда поинтересуется, какие отметки она получала в институте?

Мать. Я же тебя просила не вмешиваться в наши дела.

Бабушка. Значит, меня это не касается? А когда я над Янкой ночей не спала, чтобы Адам мог учиться...

Отец (*входя*). Пожалуй, мы могли бы уже сесть за стол, я зверски голоден.

Мать. Сейчас принесу суп.

Бабушка. Я помогу.

Мать и Бабушка уходят.

Отец. Насчет Якуба... ты серьезно?

Яна. Конечно.

Отец. Я надеялся, это глупая шутка.

Яна. Не будем ссориться, папа.

Отец. Знаешь, порой я тебя не понимаю.

Яна. Придется тебе с этим примириться. Я уже взрослая. Настало время относиться ко мне как к равной, а ты все еще считаешь меня ребенком.

Отец. Охотно пересмотрю свои позиции.

Яна. Давно пора. Можешь начать с вопроса о Якубе.

Отец. А нельзя ли с чего-нибудь попроще?

Яна. А почему?

Отец. Даже на международных конференциях не начинают с самой запутанной проблемы.

Яна. Уклоняешься. Но все равно ты славный. Ты так ловко выкручиваешься, старый лис! Ну ладно, с чего же предложишь начать ты?

Отец. Хотя бы с института.

Яна. Там все о'кей.

Отец. У меня другие сведения.

Яна. О Господи, что за мафия! Когда, наконец, тебе перестанут доносить?

Отец. Надо приналечь на занятия. Не полагайся во всем на меня. Я не говорю, что не в силах тебе помочь, но это противоречило бы моим принципам. Я помогаю только способным.

Яна. А я не способная?

Отец. В этом я еще должен убедиться. Между прочим, у тебя близко зачетная книжка?

Яна. Еще не забыл времена, когда я ежедневно показывала тебе дневник?

Отец (*сухо*). Тогда я хоть знал, как обстоят дела.

Яна. По-моему, ты недурно осведомлен и теперь.

Отец. На будущей неделе у меня встреча с твоим деканом.

Яна. Ему надо что-нибудь построить?

Отец. Тебя это не касается.

Яна. Вот было бы здорово! Слушай, а гараж ему не нужен?

Отец. Вполне возможно.

Яна. Гараж мог бы построить Якуб со своими ребятами.

Отец. Я даю рекомендации только серьезным партнерам.

Яна. А Якуб что – не серьезный?!

Отец. Только и слышишь: Якуб, Якуб! Каждый наш спор с него начинается и им кончается. Он висит над нашей семьей как дамоклов меч! И кроме того... кажется, именно декан выставил Якуба с факультета? Думаешь, после этого Якуб был бы самой подходящей кандидатурой для постройки его гаража?

Яна. Когда дело касается работы, эмоции посылают к чертям. А Якуб в таких делах дока.

Отец (*презрительно*). Ха! Дока...

Яна. Да что в нем плохого? Только честно. Хоть раз выскажись откровенно.

Отец. Может, он и не так уж плох... Не знаю. Но в одном уверен: тебе он не пара.

Яна. Не потому ли, что, по-твоему, он ноль без палочки? И напоминает тебе времена, когда и ты был...

Отец дает Яне пощечину. Сам этим смущен.

Яна (*хватается за щеку. Строптиво*). Ну, бей, бей!

Отец (*сделал над собой усилие*). Прости. Отказали тормоза.

Яна. Когда отказывают тормоза, возможны самые трагические последствия. Если ты когда-нибудь... еще раз... уйду. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. Ведь я твоя дочь.

Отец. Знаю.

Яна. А что тебя так взбесило? Ноль без палочки?

Отец. У меня на такие вещи аллергия.

Яна. Комплекс. Ничто не ново под луной. Один знаменитый французский актер, который родился в очень бедной семье, всю жизнь скупал поместья. Знал, что свинство, но ничего не мог поделать.

Отец. Зачем ты мне это рассказываешь?

Яна. Ты когда-нибудь слышал об исторических параллелях?

Отец. Говоришь со мной, как с идиотом... Учти, Яна, у меня не в порядке тормоза. Я тебя предупредил.

Яна. Угроза силой? Хочешь, чтобы я ушла?

Отец. Куда бы ты ушла, если не секрет?

Яна. К Якубу. Например.

Отец. Отличная перспектива! Двухкомнатная квартира в панельном доме, свекровь – почтальонша, свекор – пьяница. Не уговаривай себя, ты привыкла к удобствам. И учти, там перед тобой не будут прыгать на задних лапках бабка с матерью. Прости, я должен был это сказать.

Яна. Знаю.

Отец. Ну и девчонка – кремень! А Якуб лепит из тебя что захочет, словно из воска!

Яна. Напрактиковался в каменоломне. Ты забываешь, он подрывник, минер.

Отец. Минер... В нем и правда есть какая-то склонность к разрушению. Агрессивность какая-то.

Яна. Это тебе только кажется. Про китов тоже все думают, будто они страшилища... а у них голос – самое нежное органное пианиссимо. Океанологи давно это установили, даже записали на магнитофон. Ты тоже иногда похож на кита, я знаю, ты никогда с этим не согласишься. И пусть тебя не смущает, что остальные твоих сигналов не слышат – я их слышу. Они будят меня по утрам, неожиданно настигают в институте, во время лекций. Ты плачешь, словно кит, словно раненый кит... И я знаю – о чем. О мальчишке, который мог бы стать твоим продолжателем, наследником... мог бы проектировать виадуки, строить плотины... если бы не твоя неукротимая жажда сделать из него мужчину, крепко сидящего в седле твоего данайского дара – гоночной супермашины. Ведь у твоего сына все должно быть супер! Я не виню тебя в аварии, и сам ты зря себя винишь. Если б не машина, случилось бы что-нибудь другое...

Отец. Не надо. Я знаю, Петер обречен жить с этим до конца своих дней. И виноват я.

Яна. Не вини себя понапрасну. Петер неудачник. Он притягивает к себе несчастья, как громоотвод молнии. В конце концов, Петер по-своему счастлив; пожалуй, счастливее нас всех...

Отец. Замолчи, ты не в анатомичке, а я не труп, чтобы меня препарировать. И утешать меня не надо... Мне точно известно, как все обстоит. Я советовался с профессорами.

Яна. Но существуют лазеры, они открывают новые перспективы...

Отец (*удрученно*). Об этом можешь рассказывать бабушке. Вот кстати и она.

Входит Бабушка.

Бабушка. Адам, к телефону.

Отец. Кто?

Бабушка. Бановский.

Отец. Меня нет дома.

Бабушка не собирается уходить.

Ты слышала?

Бабушка. Надеюсь, что нет.

Отец. Ладно, ладно... Пойди и скажи ему. Меня нет дома.

Бабушка. Скажи сам.

Отец (*Яне*). Сбегай, скажи ты.

Яна. Не люблю обманывать. Тем более Бановского.

Отец (*Бабушке*). Тогда попроси Эленку, пусть скажет она.

Бабушка, возмущенная, уходит.

Яна. А вдруг и мама не скажет?

Отец. Скажет! Мама скажет.

Пауза. Яна делает несколько бесцельных шагов.

Входят М а т ь и Б а б у ш к а, несут суп и хлебницу.

Мать (*ставя суповую миску на стол*). А вот и супчик...

Отец. Вкусно пахнет. Садись, бабушка.

Мать (*разливая суп*). Папочке, бабушке...

Яна. Одной тарелки не хватает.

Бабушка. Петер неважно себя чувствует. Поест у себя.

Яна. Одной тарелки не хватает. (*Выходит.*)

Мать. Эта девчонка доведет меня до белого каления. (*Садится.*)

Отец. Не обращай на нее внимания.

Возвращается Я н а, демонстративно ставит на стол тарелку.

Мать (*наливая Яне суп*). Приятного аппетита.

Все ждут, когда начнет есть Отец.

Отец. Какой это хлеб?

Бабушка. Пеклеванный.

Отец. Да? А какой вкусный. Надо бы покупать его чаще.

Входит Я к у б в парадном костюме. Он скован, но хотя порядком выпил, говорит вполне членораздельно.

Якуб. Добрый день. (*Низко кланяется.*)

Яна (*одна отвечает*). Привет.

Якуб. М... момент. (*Выходит и возвращается с довольно растрепанным букетом. Решившись, делает шаг к Матери.*) Вам. Я бы и ручку поцеловал... да боюсь упасть. Пардон... (*Преодолев все преграды, опускается возле Яны на стул.*) Привет, Яни. (*Замечает Бабушку, радостно ей улыбается.*) Добрый день, бабушка! И вас сегодня пригласили? С их стороны это мило, правда?

Яна (*наливает ему супа*). Ешь, сразу полегчает.

Бабушка. Распусти немного галстук, Якубко.

Якуб (*бросив на нее благодарный взгляд*). Прекрасная идея, бабушка. (*Остальным.*) Не обращайтесь на меня внимания... Приятного аппетита. (*Начинает есть.*)

Яна (*после затянувшейся неловкой паузы*). Ну и видок у тебя.

Бабушка. На улице жара.

Якуб. Я хотел пропустить всего лишь рюмочку аперитива... А потом испугался. (*Рассуждает вслух.*) Такой обед – это вам не фунт изюма!

Отец (*самоотверженно*). Мы не людоеды.

Якуб. Конечно, конечно... Но ведь и каннибалы довольно опасны.

Мать. Вы пришли издеваться над нами?

Якуб. Я пришел пообедать. Я приглашен...

Мать (*энергично собирает тарелки*). Разрешите?

Якуб (*обеими руками хватая свою тарелку*). Я еще не доел!

Мать, шокированная, удаляется.

Отец (*Яне*). Мне кажется, твой гость не в своей тарелке.

Якуб. Напротив! Очень даже в своей! Меня зовут Якуб.

Отец. Вы уже представлялись.

Якуб. Извините. Мне показалось – вы забыли. (*Разглядывает комнату.*) Между прочим, тут недурно. Но всего полцентнера динамита...

Бабушка. Якубко, ты же хороший парень... Ну что ты мелешь? Хочешь холодненькой водицы?

Якуб. Вы правы, я хороший парень. Но попробуйте объяснить это... теперь уж и не знаю, как вас называть, пан директор.

Отец. Именно так, как вы назвали.

Якуб (*искренним тоном*). Конечно, конечно... Только вот никак в толк не возьму, не пора ли мне называть вас...

Яна. Молчи, несчастный!

Якуб (*с широкой улыбкой*). Вот видишь, за то я тебя и люблю! Ты всегда угадаешь, что я хочу сказать... Ваша дочь – суперзвезда! У вас не найдется сигареты?

Отец. У нас во время обеда не курят.

Якуб (*растерянно оглядывается по сторонам*). Простите, я забыл, что сел в вагон для некурящих... Пардон. Пойду курну на площадке.

Бабушка (*с пониманием*). Бедненький, он думает, что едет в поезде.

Якуб. Бабушка, я, кажется, сел не в тот вагон.

Отец (*сухо*). И не в тот поезд.

Якуб (*без иронии*). Странно, что вы не организовали, чтобы я попал в свой поезд. Вы ведь можете организовать все на свете!

Отец. Попридержите язык.

Якуб. Да ведь я вовсе не хотел вас обидеть. Я только намекаю... Да... но только я и сам уже не знаю, на что. Не надо было мне столько пить.

Яна. Первое разумное слово.

Якуб. Между прочим, я пью на свои. Честно заработанные.

Яна. Ты несносен!

Якуб. Ошибаешься. Я очень даже сносен, и не делай вид, будто ты в этом не убедилась. Сама скоро будешь на сносях...

Отец. Ну, хватит!

Якуб. Офигеть! Знаете, я все время ломаю голову, чем вы так кичитесь? Этой виллой? Согласен, вилла хороша, ну и что? Полцентнера динамита – и перед вами развалины. Руины. Можете мне поверить – я подрывник. Принимаю левые заказы. Всего полцентнера динамита и пятьдесят метров запального шнура... Но я вам такой радости не доставлю. Не освобожу вас. Ведь это ваш якорь. А потом вы же наверняка водите дружбу с директором... с коллегой, директором страхкасы. Еще и заработаете на страховке! Нет, дудки!

Яна. Ну что ты мелешь? И впрямь чокнутый!

Якуб. Ага! Слышите голос наследницы? Понятное дело, этого надо было ожидать! Но учти, у тебя еще есть братец. Малость того... головой слабоват, но со счетов его не скинешь!

Яна (*вспыхнув*). Убирайся!

Отец неожиданно, ловко подскочив к Якубу, выносит его за дверь.

Отец (*вернувшись, с максимальным самообладанием, но чрезвычайно уязвленный*). Я пошел к себе.
(*Уходит.*)

Появляется М а т ь с подносом.

Мать (*растерянно*). А ...обед?

Бабушка. Он не хотел сказать ничего обидного.

Яна. Слышать не желаю об этом подонке!

Бабушка. Ты же видела, Януша, он, бедняга, пьян.

Яна. Это ничего не меняет. Ненавижу!

Мать. Нечего сказать, предстал во всей красе... твой идол! (*Уходит.*)

Бабушка (*подойдя к Яне*). Была бы ты чуть поменьше, я бы подула на больное местечко.

Яна (*наконец расплакавшись*). Бабуля...

Бабушка. Поплачь, милая, поплачь.

Яна. Если бы он задел отца или маму... Или обидел меня. Мы можем дать сдачи. Мы умеем. Но Петера...

Бабушка. Петера он задевать не смел. Его... нет!

Яна. Не понимаю, откуда в нем столько злости?

Бабушка. Бывает и смирный пес залает.

Яна. Якуб не пес!

Бабушка. Человек тоже может озвереть.

Яна. Почему ты всегда за него заступаешься?

Бабушка. У этого парня доброе нутро. У меня на людей нюх.

Яна. Нюх... Еще вчера и я думала, что Якуб...

Бабушка. И сейчас думаешь, только признаться себе не хочешь.

Яна. В каждом ты видишь хорошее. Как ты можешь! Столько прожила, столько всего навиделась...

Бабушка. Проживешь с мое, поймешь. Люди – они лучше, чем кажутся... А не поймешь – худо тебе будет.

Яна. Баб, можно я тебя поцелую?

Бабушка (*подставив щеку*). Давненько ты меня не целовала. Крепко его любишь?

Яна с виноватым видом кивает.

Ты уже взрослая.

Яна. Иной раз мне кажется, я никогда не повзрослею. Ах, бабуля, как у меня болит голова!

Бабушка. Сейчас принесу таблетку.

Яна. Сядь. Я принесу сама. (*Уходя.*) В тумбочке?

Бабушка. Захвати и мне.

Яна уходит. Бабушка начинает медленно, устало убирать со стола. Входит П е т е р, щуплый, с застенчивой улыбкой.

Петер. Вы уже пообедали?

Бабушка. А ты?

Петер. В мансарде. Отец уезжает?

Бабушка. Ненадолго.

Петер. Привезет мне пластинки?

Бабушка. Ты ему говорил?

Петер. Не помню... кажется. Он всегда привозит мне пластинки. Баб...

Бабушка. Что, Петричек?

Петер. Не называй меня Петричек. Все говорят со мной, как с маленьким. Баб, знаешь литургию опус сорок первый?

Бабушка. Сто раз тебе говорено, в этих вещах я не разбираюсь.

Петер (*медленно ходит по комнате, кончиками пальцев легко прикасаясь к предметам*). Жаль... Никто в этом доме... Там есть одна часть – Херувимская... Если бы ее не сочинил Чайковский, то должен был придумать Эйнштейн. Это точно, как формула эм-це квадрат. Кажется, просто, но таит в себе невероятную силу... И видишь... будто...

Бабушка (*перебивает*). Да нет же, нет!

Петер (*с грустной улыбкой*). Откуда ты знаешь, что я хотел сказать?

Бабушка (*испуганно*). И верно...

Петер. Но ты знаешь... знаешь, бабушка. Ты не хочешь этого слышать. Все вы делаете вид, будто я здоров. Словно заговорщики. Очень мило с вашей стороны. Но я все-таки болен... Правда, сам факт, что я это сознаю... словом, мои дела не так уж плохи. Я еще не совсем вышел из строя. Напомнишь отцу про пластинки?

Бабушка. Напомню, напомню.

Петер. Спасибо. Я бы не хотел его затруднять, у него и так много забот. По-моему, даже слишком много. Приходи когда-нибудь послушать опус сорок первый.

Бабушка. Приду, приду.

Петер. Баб, а ты от нас не уедешь?

Бабушка. С чего ты взял?

Петер. Мне кажется, тебе у нас плохо. Знаешь, ты... как радиатор.

Бабушка. Господь с тобой! Почему вдруг радиатор?

Петер. Около тебя тепло... но... Ты заметила, что теперь люди очень искусно зарешечивают радиаторы? Яна ушла?

Бабушка. У нее разболелась голова.

Петер. Голова?! Только не голова!

Бабушка (*озабоченно*). Успокойся, Петер.

Петер (*чрезвычайно взволнованный, чуть заикаясь*). И у меня перед операцией тоже болела голова. Часто и сильно... А в нашей палате все время пахло лилиями. Все время... Но я их нигде не видел.

Входит Яна.

Яна (*на ходу здороваясь с Петером*). Привет. (*Подает Бабушке стакан с водой и таблетку.*)

Петер (*напряженно*). Тебе не кажется, что тут пахнет лилиями?

Яна (*удивленно*). Лилиями? Нет.

Петер. Ты уверена?

Яна (*явно привыкшая к его чудачествам, спокойно*). Абсолютно.

Петер (*с силой прижимает Яну к себе*). Это хорошо, сестричка. Это очень хорошо! У тебя еще болит голова?

Яна. Проходит.

Петер (*целуя ее в глаза*). Сестра моя! Моя большая сестра!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Открытая веранда перед летним рестораном. Белые столики и табуреты; пестрые, веселых тонов зонтики.

Тихий летний вечер. Из оркестриона звучит негромкая музыка. Единственный посетитель – инженер Б а н о в с к и й – сидит за чашкой кофе. За соседним столиком старый О ф и ц и а н т протирает фужеры.

Официант (*не вставая с места*). Принести еще чего-нибудь?

Бановский отрицательно качает головой.

Ничего?

Бановский. Того, что я хочу, у вас все равно нет.

Официант (*подходит, протягивает Бановскому меню*). У нас есть всё.

Бановский (*без интереса просматривает листок*). Даже кюрасо...

Официант (*вежливо поправляет*). Кюрасо.

Бановский. Я же говорю – нет.

Официант. Чего вам тут не хватает?

Бановский. Человека. Обыкновенного порядочного человека. (*Оглядевшись, про себя*.) Ну-ну, пора бы уж стать умнее...

Официант в растерянности берет с его стола пустую кофейную чашку.

Принесите бутылку шампанского.

Официант. Сей момент.

Бановский (*пристально на него смотрит*). А вы... порядочный человек?

Официант. Стараюсь.

Бановский. Так старайтесь полегоньку, чтобы не кончить (*Скрещивает запястья, словно они в наручниках*.) ... где-нибудь в каталажке.

Официант. В этом деле мне за молодыми не угнаться. (*Усталой походкой удаляется*.)

О т е ц (*проходя мимо, видит Бановского. Бодро, с напускным добродушием*). Не спеши, идет подмога!

Бановский (*в первый момент радостно*). Садись, подмога! (*В упор смотрит на Отца*.)

Отец. Ну?

Бановский. Какими судьбами ты здесь оказался?

Отец. Голос сердца.

Бановский. А может, угрызения совести?

Отец. Не понимаю.

Бановский (*спокойно*). Понимаешь, прекрасно понимаешь, Адам.

Напряженная пауза.

Отец. Не могли бы мы... помолчать о чем-нибудь другом? Как в прежние времена? (*Бановский сидит, свесив голову, не отвечает.*) Палё... Палё, ведь мы... Мы с тобой не можем... Столько протопали вместе... (*Не в силах продолжать, умолкает.*)

Бановский даже не смотрит на него. Входит Официант с бутылкой шампанского.

Официант. Открыть?

Бановский. Не надо.

Официант (*поставив шампанское в ведерко со льдом*). Еще чего-нибудь?

Бановский. Нет.

Отец. Мы вас позовем.

Официант. Пожалуйста. (*Отходит, садится у соседнего столика.*)

Томительная пауза.

Отец (*беспомощно*). Тогда зачем я пришел?

Бановский. Я тебя не звал.

Отец (*виновато*). Могу и уйти.

Бановский не отвечает.

Но что это решит?

Бановский. То же, что если ты останешься, – ничего.

Отец. Пока я здесь, еще можно...

Бановский. Пустые слова.

Отец. А что мне было делать?

Бановский. Подождать, пока я вернусь из больницы.

Отец. Так. И что бы это изменило?

Бановский. По-твоему, ничего?

Отец. Существенно – ничего.

Бановский. Мы могли бы остаться друзьями.

Отец. А разве мы уже не друзья?

Бановский. Слушай, как бы тебе понравилось, если бы я на твое место назначил другого, а к тебе в больницу прислал завкадрами с приказом и пакетом апельсинов?

Отец молчит.

Ну?

Отец (*слабо защищаясь*). Я уезжал за границу.

Бановский. Ну и что?

Отец. Надо было срочно решить вопрос о заместителе.

Бановский. Расскажи кому-нибудь другому! Вопрос о заместителе! Отчего же ты не попросил замещать тебя любого из старых казаков? Может, собираешься убедить меня, что тот парень, тот сопляк... Нет, это не серьезно.

Отец. Я говорил с твоим доктором.

Бановский. Знаю.

Отец. Он сказал...

Бановский. Знаю.

Отец. Тебе необходимо поменять работу. Ты должен беречь силы. Чтобы поправиться.

Бановский. А тебе необходимо мое место. И ты пустил его в оборот. Вот оно как. Интересно, что тебе за него пообещали? Хотелось бы знать, за сколько ты меня продал.

Отец. Ты сам в это не веришь.

Бановский. Продал ты меня, Адам.

Официант закрывает зонты.

Официант. Пора кончать, уважаемые.

Бановский. Мы уже кончили.

Официант. Желаете расплатиться?

Бановский. Да вот – окончим счета. Потерпите минутку.

Официант. Как угодно. Маленько тут приберу, а уж потом не обессудьте.

Отец (*нетерпеливо*). Ладно, ладно.

Официант отходит от столика.

Бановский. Так. А теперь выкладывай: за сколько ты меня продал? Во сколько ценить заезженного коня?

Отец. Этого я не заслужил.

Бановский. Ты прав. Тысячу раз прав. Ты заслужил по морде.

Отец. В этом городе не так много людей, которые могли бы позволить себе такие слова.

Бановский. Но многие об этом мечтают.

Отец (*задумчиво*). Полагаешь?

Бановский. Я уже знаю, кого ты взял на мое место, Адам. Теперь понятно, из-за чего такая спешка.

Отец. Что ты этим хочешь сказать?

Бановский. Ничего особенного, просто – знаю, кто его папочка.

Отец. Это к делу не относится. Он способный и трудолюбивый парень.

Бановский. Серьезно? Я тебя не узнаю. Ты всегда отлично тасовал и сдавал карты. Ты великий игрок, Адам. Но не за мой счет! Меня на мелочишке не проведешь! Меня – нет!

Отец. На моем месте ты поступил бы точно так же.

Бановский. Возможно. Но не за твой счет! Уж поверь!

Отец. Хуже всего, что я тебе и правда верю.

Бановский. У нас с тобой папочек не было. Пробивались сами. Пожалуй, с большими трудностями, но сами. Вот оно как.

Отец. То были иные времена.

Бановский. Времена тут ни при чем. Дело в характере, мой дорогой.

Отец. Вполне может быть.

Бановский (*смотрит на Отца в упор*). А ведь я тебя еще и жалею.

Отец. Надеюсь, нет.

Бановский. Потерять друга – это все равно что потерять частицу самого себя. Руку или ногу. Ну скажи, стоила овчинка выделки? Сколько нам осталось до пенсии?

Отец. Восемь лет и четыре месяца.

Бановский. Так много? Ведь мы с тобой собирались ездить на рыбалку... Наконец-то можно будет не торопиться.

Отец (*подавленно*). Соберем удочки, подсачки...

Бановский. Захватим бутылочку «Золотого фазана»...

Отец. И поехали... Цепями нас не удержишь.

Бановский. Закатим на Ораву...

Отец. И прощай, гармонограммы, выполнение плана, производственные совещания, Братислава!

Бановский. К ужину судак на вертеле и бутылка холодного пива... А вокруг такая тишина, что хоть ножом ее режь... и только звезды на голове. На другой день – пять-шесть километров против течения...

Отец. Красота!

Бановский. Да только одному тоскливо.

Отец. Поедем вдвоем!

Бановский. Нет, теперь уж врозь.

Отец (*в упор смотрит на Бановского*). Ты не можешь скинуть меня со счетов.

Бановский. Да, одиноко мне будет... Жаль, что так получилось.

Отец. Палё, поедem вместе!

Бановский. На рыбалку нужно ездить с другом. А в нашем возрасте друг – товар дефицитный.

Отец. У меня еще хранится твой спиннинг.

Бановский. Можешь взять себе. Хорошая удочка. Проверенная.

Отец. Ни за что, даже если бы на нее ловились одни золотые рыбки. Милостыню я не принимаю. От друзей – тоже.

Бановский. И я. Жалованье, которое ты мне определил... Плевать я на него хотел! Думал, я от радости до потолка подпрыгну? По-твоему, деньги все спишут?!

Отец. Это твоя зарплата. Ты ее заслужил.

Бановский. Заслужил я, возможно, и больше, не о том речь... Деньгами ты хочешь откупиться.

Отец. От кого?!

Бановский. От своей совести. Вот что, это назначение я не приму. (*Смотрит на бутылку шампанского.*) А когда-то мы с тобой пивали и плодоягодное, и самые дешевый ром.

Отец. Тогда мы были моложе.

Бановский. Мы были рабочие!

Отец. А кто мы теперь?

Бановский. Кабы я знал... Если и душа у нас так же заросла салом, как брюхо...

Отец. Чепуха! Шеф!

Официант (*появляется с бумажником в руке*). К вашим услугам.

Отец. Принесите рому. самого дешевого рому. Отечественного производства.

Официант. Не имеется.

Бановский. Совсем недавно вы уверяли, будто у вас есть все.

Официант. Рому не имеется. И вообще, мы закрываем.

Отец (*быстрым движением достает бумажник, подает Официанту бумажку*). Возьми и не отсвечивай!

Официант. Хорошо, но только недолго. (*Уходит.*)

Бановский (*насмешливо поет*). Ах вы годы, годы молодые, пронеслись-промчались, не догнать... Ах, вы кони, кони воронные, по лугам вам больше не гулять.

Отец. Прекрати.

Бановский. Я теперь твоим приказам не подчиняюсь. А сотенную от тебя получил он.

Отец. Страшный ты человек, Палё. Эх, напиться бы!

Бановский. Не можешь. У тебя хорошая тренировка... с тузами.

Отец. Я бы не променял тебя на всех тузов.

Бановский. Променял же! Что тебе пообещали за этого сопляка?

Отец. В том-то и дело, что ничего. Я взял его по собственной инициативе. Дальний прицел. (*Грохает кулаком по столу.*)

Официант (*вбегая*). Я попрошу... Мы приличное заведение, уважаемые!..

Отец (*усталым жестом подает Официанту пачку банкнот*). Исчезни, старик. Ничего ты не понимаешь...

Официант (*отложив деньги в сторону*). Надо держать себя в руках.

Отец. Не воспитывайте меня, ладно? Сегодня я этим сыт по горло.

Официант. По справедливости бы...

Отец. Знаю, знаю. Идите!

Официант уходит.

Бановский. Ты ошибся. Надо было треснуть не по столу, а по моей физиономии.

Отец. Перестань жалеть себя, старик. Все там будем. Всем нам пора на свалку. Придут молодые в своих великолепных белоснежных халатах. Аналитики, программисты, футурологи!

Станут в белых галошах перед пультами и будут нажимать кнопки. Всего лишь кнопки... И глубокомысленно глазеть на фосфоресцирующие осциллографы... Вот в чьих руках будущее! А мы повесим на гвоздь свои ржавые, позолоченные воспоминаниями мастерки и будем удивляться... жалеть себя. Эти ребята уже не знают, что такое обыкновенное корыто для замешивания бетона или, скажем, противовес, зато умеют вовремя нажать кнопку. Именно ту, которую требуется... Вот оно как, старик.

Бановский. Зачем ты мне это рассказываешь? Думаешь, я не знаю?

Отец. Потому что тот паренек, на которого я тебя променял, – один из них. И пусть тебя не смущает, что он не в белых галошах.

Бановский. А что потом?

Отец. Когда – потом?

Бановский. Когда и они пойдут на свалку. Эти ребята в белых галошах. Кто сменит их? Автоматы с программным управлением? Роботы? Набитые кристалликами микропроцессоры с сотней тысяч элементов на один квадратный миллиметр? Это тебе не дюйм туда – дюйм сюда – скоба удержит! Тут иные мерки. Скоро они и запах извести позабудут... и вкус песка на зубах... Не знаю, завидовать им или жалеть... Не знаю.

Отец. Ага, брат, выдал себя с головой! Значит, и ты по вечерам пытаешься заглянуть в будущее! Эх тебя разобрало! Пора нам отправляться на рыбалку, Палё. В самый раз. Пожалуй, не стоит ждать, пока минут эти восемь лет...

Бановский. Да, но что потом? Ведь кто-нибудь сменил и твоих ребят в белых галошах...

Отец. Пусть это их и волнует.

Официант. Прошу вас, у меня будут неприятности, поздно...

Официант усталой походкой идет в темноту. Прямо на него из тьмы выходит П е т е р, приближается к столику.

Петер. Привет, папа. Добрый день, дядя Палё.

Бановский. Добрый вечер, Петя.

Петер (*беспокойно оглядывается*). Уже вечер? Я и не заметил.

Бановский. Присядешь?

Петер. С удовольствием. Ненадолго. (*Садится.*)

Отец. Заказать тебе что-нибудь?

Петер. Мороженого у них, наверно, нет.

Отец. Думаю, что нет. Попроси что-нибудь другое.

Петер. Хорошо. Можно что-нибудь другое.

Отец. Что, например?

Петер. Неважно... (*Все время растерянно озирается.*)

Бановский. Официант!

Официант (*с явной неохотой*). Чего изволите?

Отец. У вас есть мороженое?

Официант. К сожалению, нет. Но могу предложить холодный фруктовый коктейль.

Отец (*Петеру*). Что скажешь?

Петер. Хорошо, папа.

Официант. Я принесу. (*Уходит.*)

Петер. Вы не видели тут девочку?

Отец. Какую девочку?

Петер. В белом платье. На роликах.

Отец. Не видели.

Петер. И вы тоже, дядя Палё?

Бановский. И я не видел. А что, у вас свидание?

Петер. Нет... Я давно ее ищу.

Бановский (*ласково*). Возможно, она пошла спать. Уже поздно.

Петер. Попробую завтра. (*Встает, собираясь уходить.*)

Отец. А коктейль?

Петер. Чуть не забыл. (*Снова садится. Молчание.*) Я вам не помешал?

Бановский. Что ты! Мы рады...

Официант (*сервирует*). Прошу вас. Коктейль.

Петер. Спасибо.

Официант (*уходя*). Пожалуйста.

Петер (*потягивая через соломинку коктейль*). Он обратился ко мне на «вы», заметили?

Бановский (*ободряюще*). Ты уже взрослый.

Петер. Через два года поступлю в институт.

Бановский. Уже что-нибудь выбрал?

Петер. Буду изучать психологию. Но больше всего хотелось бы учиться музыке.

Бановский. На чем ты хочешь играть?

Петер. На органе.

Бановский. Прекрасный инструмент.

Петер. Трудный.

Бановский. Но прекрасный.

Петер. Прекрасные вещи всегда трудные, правда, папа?

Отец. Чаще всего – да.

Бановский. А психология?

Петер. Тоже интересно. Очень интересно... я читал в газете, что космический зонд «Пионер» – не помню, который по счету, – достиг границ нашей солнечной системы. И передает телеметрические данные. А мы тут сидим и не знаем даже, что творится в собственной голове, которая совсем близко, на нашей шее...

Бановский (*с интересом глядя на Петера*). Ты прав.

Отец (*сухо*). Похолодало.

Петер. Я пойду. (*Испуганно смотрит на Отца.*) Заплачу и пойду.

Отец. Иди-иди, я заплачу.

Петер. Спасибо, папа. (*Бановскому.*) Как вы считаете, можно освоить и орган, и психологию?

Бановский. Не знаю. Думаю – можно.

Петер. Я вообще не уверен, можно ли одновременно заниматься в университете и в консерватории?

Бановский. Отец все узнает.

Петер. Я бы не хотел его затруднять, у него много работы, даже дома работает.

Отец (*с признаками нетерпения*). Я узнаю.

Петер. И правда, похолодало. Пойду... Мне очень опасно простужаться. Спокойной ночи, дядя Палё. До свидания, папа. (*Уходит.*)

Отец задумчиво наливает в бокалы вино.

Бановский. Спокойной ночи, Петер. (*Тягостная пауза.*) Выпьем?

Отец. Не возражаю. Вроде бы эта бутылка теплее первой...

Бановский (*принимает игру*). И шампанское в ней какое-то кислое...

Отец. Но пить можно.

Бановский. Безусловно.

Оба, задумавшись, молчат.

Отец (*после паузы*). Видел?

Бановский молча кивает.

Мой сын... Мой единственный сын.

Бановский. Про какую девочку он спрашивал?

Отец. Почему я знаю? Кто поймет, что творится в его несчастной голове?

Бановский. А нельзя...

Отец (*резко перебивает*). Нет. Как видишь, существуют вещи, которые и я не могу «организовать».

Бановский. Что говорят врачи?

Отец. Кучу латинских слов, чтобы не сказать правду.

Бановский. А по-моему, Петер мог бы учиться. Ведь он прекрасно логически рассуждает.

Отец (*подавленно*). Конечно... Но порой...

Бановский. Если бы удалось с этим органом... Возможно...

Отец. Кроме губной гармошки он никогда ни на чем не играл.

Бановский (*упрямо*). Надо попробовать. Что если он найдет в этом свое призвание? Он мог бы даже стать виртуозом. А вдруг это в нем дремало, и операция только сдвинула, освободила... Ты должен попробовать. Это самое минимальное, что ты можешь для него сделать.

Отец (*неуверенно*). Конечно...

Бановский. Если не сделаешь ты, сделаю я.

Отец. Знаю, ты бы сделал... Знаю... Пойдем?

Бановский. Пойдем.

Картина четвертая

Летний вечер. В саду, неподалеку от дома, Я к у б монтирует китайские фонарики. На изолированных проводах то тут, то там покачиваются уже укрепленные патроны с лампочками. Невдалеке, опустившись на колени, П е т е р очарованно рассматривает экзотическую птичку в резной филигранной клетке.

Входит М а т ь, несет связку разноцветных фонариков. Довольным взглядом окидывает натянутые провода.

Мать. Именно так я себе и представляла... (*Опускает фонарики на землю, один на пробу насаживает на патрон с лампочкой.*) Будет красиво... Сколько времени это у вас займет?

Якуб (*продолжая работать*). Скоро кончу.

Мать (*уходя*). Поторапливайтесь, каждую минуту могут появиться гости.

Петер (*вслед Матери*). Не беспокойся!

Якуб (*не прерывая работы*). Умеет твоя сестра устроиться – и день рождения у нее в каникулы. Мне никогда так не везло.

Петер (*продолжая рассматривать птичку*). Мне тоже. Думаешь, все равно, когда человек родился?

Якуб. Не знаю. Но одно точно: куда приятнее праздновать день рождения в августе, чем, скажем, в ноябре.

Петер. В мой день рождения обычно идет дождь, а с утра бывает туман. Пожалуй, это в моем духе... Было бы даже странно, если бы в мой день рождения сияло солнце... И цветов мало. Только оранжерейные. Откуда эта птичка?

Якуб. Из Южной Америки.

Петер. И ты знаешь, как она называется?

Якуб. Алопеция Ареата. Редкий экзотический экземпляр из Перу.

Петер (*зачарованно повторяет*). Алопеция Ареата... Красиво! Но ей подходит. Отчего она не поет?

Якуб. Еще не акклиматизировалась. Эти птахи жутко чувствительны.

Петер. А клетка? Откуда у тебя такая клетка?

Якуб (*с гордостью*). Хороша?

Петер. Красивая.

Якуб. Я привез ее из Праги. Их там делает один скрипичный мастер.

Петер. Почему он не делает скрипок?

Якуб. Оглох.

Петер. Какая трагедия!

Якуб. Сперва он думал, что спятит, потом запил и в конце концов стал делать металлические клетки. Филигранная работа. Теперь ему нет в этом деле равных. Всех обскакал. Каждая клетка на свой манер и одна другой лучше. Живет в башне, смотрит на мир свысока и придумывает новые узоры. Короче – настоящий Мастер. Его клетки славятся по всему свету.

Петер. И все-таки он строит маленькую изящную тюрьму. Клетки красивы, но...

Якуб. Эти птички на свободе уже не могут существовать. В клетках и размножаются. Целые поколения...

Петер. Но их предки были свободны! Пусть очень давно, но когда-то, в самом начале, они были свободны... Летали себе в джунглях и пели. Будь я на месте этого Мастера, я бы делал из металла что-нибудь другое... (*Подойдя к Якубу, кончиками пальцев дотрагивается до фонарика.*) Думаешь, они будут гореть?

Якуб. А то как же! Фирма веников не вяжет. Вот кончу, сунем боковой отвод в штепсель – и увидишь, какая будет красотища! Вообрази: все разом зажгутся! (*Продолжает развешивать фонарики.*)

Петер (*восхищенно их рассматривает*). Китайцы знали толк в красоте!

Якуб. Китайцы?

Петер. Ведь эти фонарики придумали в Китае, правда?

Якуб. Ах, вот ты о чем! Думаю – да. Или в Японии. Во всяком случае – на востоке.

Петер. Эти птички... раз они в плену... наверно, страдают.

Якуб. Птичкам незнакомо понятие свободы.

Петер. Нам-то оно знакомо! И все-таки мы держим их в тюрьме.

Якуб. В тюрьме! Сидят в красивой клетке, мы даем им жратву, питье, а они? Захотят – поют. Не захотят – сунут голову под крыло и дрыхнут.

Петер. Как ты думаешь, что им снится?

Якуб. Почем я знаю?

Петер. Хорошо, если они хоть видят сны... (*Отходит в сторону, склоняется над увесистым свертком.*)
Тоже для Яны?

Якуб. Ага.

Петер. Подарок?

Якуб. Это как посмотреть.

Петер взвешивает сверток в руках.

(Испуганно.) Осторожно!

Петер (*бережно опускает сверток на землю*). Стекло?

Якуб таинственно крутит головой.

Фарфор?

Якуб. Мимо кассы!

Петер. Сдаюсь. Что-нибудь непрактичное?

Якуб. Совсем непрактичное.

Петер. Но при этом красивое?

Якуб. В самую точку. Сразу видать – мы с тобой одной группы крови. Никому не скажешь?

Петер. Клянусь.

Якуб. Фейерверк.

Петер (*пораженный*). Честно?

Якуб. Выстрелю ровно в полночь. Правда, если до тех пор меня отсюда не вытурят.

Петер. Фейерверк! Ты прав, Якуб, мы с тобой одной группы крови. Я видел фейерверк только по телевизору. Но тогда у нас был еще черно-белый.

Якуб. Теперь увидишь. (*Мечтательно.*) Красный, зеленый, желтый, фиолетовый, голубой! А грому, грому! Офигеть! То-то все вывалят бельма! Увидишь! И больше всех Яна.

Петер. Я бы мог тебе ассистировать.

Якуб. Лучше не надо. Понимаешь... Это не совсем безопасно.

Петер. А для тебя?

Якуб. Я подрывник. В каменоломне меня кое-чему обучили. У любого дела свои правила. Подрывник – это почти что пиротехник.

Петер (*очарованно*). Пиротехник! В самом этом слове слышен грохот! А не боишься?

Якуб. Я уже чуточку пробовал.

Петер. Красотища?

Якуб (*кивнув*). Днем – это не совсем то. Для настоящего фейерверка нужно, чтобы было темно. Без темноты мало толку.

Петер (*нетерпеливо*). Скорей бы стемнело!

Якуб. Дождешься. Внимание, бабуля.

Входит Бабушка в белом переднике.

Бабушка (*осматривая фонарики*). Стараетесь? (*Петеру.*) Тебе не холодно? Надел бы чего на голову.

Петер. Я в полном порядке, Бабушка.

Якуб. Как поживает моя форель?

Бабушка. Ждет, когда в очаге будет побольше раскаленных углей.

Якуб. Притащить хворосту?

Бабушка. Этого добра хватает. Принесу вам чего-нибудь выпить.

Якуб (*со значением*). Лучше не надо!

Бабушка. Да я... лимонаду!

Петер. Спасибо, нам не хочется.

Бабушка. Много еще работы? Гости собираются.

Петер. Если мы будем тебе нужны – позови. Правда, Якуб?

Якуб. Что делает Янка?

Бабушка (*уходя*). Причепуливается.

Якуб. Правильно. Сегодня она должна быть красивой.

Петер. Очень красивой! Сегодня ее праздник!

Бабушка уходит.

Якуб (*подойдя к свертку*). Петер, надо убрать это подальше, здесь будет слишком людно... Знаешь какое-нибудь местечко?

Петер. Пойдем, я тебе покажу.

Якуб. А ты бери клетку.

Входят Бановский и Отец.

Отец. Что вы тащите?

Петер. Сюрприз. Наберись терпения – увидишь.

Якуб. Добрый день.

Бановский. Здравствуйте. (*Осматривая фонарики*.) Постарались. И гореть будут?

Якуб. Фирма веников не вяжет, пан инженер.

Якуб и Петер уходят.

Отец (*Бановскому*). Ты все-таки пришел. Я рад. (*Уходящим Петеру и Якубу*.) Захватите парочку кресел. (*Бановскому*.) Бетка не придет?

Бановский. Она неважно себя чувствует.

Отец. Все еще сердится?

Бановский. Чего ей сердиться? И на кого?

Отец. Хотя бы на меня.

Бановский. В мои дела она не лезет. Принципиально. И Янку любит, сам знаешь.

Отец. Вот и пришла бы.

Бановский. Она, правда, неважно себя чувствует.

Отец. Когда приступишь к работе в новой должности?

Бановский. Я же тебе сказал – не приступлю.

Отец (*искренне*). Мне очень тебя не хватает. Палё.

Бановский (*упрямо*). Привычка – всего и делов.

Отец. Сам знаешь...

Бановский. Не начинай, если не хочешь, чтобы я ушел. В конце концов, мы уже объяснились. Твой новый заместитель не придет?

Отец. Я позвал только друзей.

Бановский (*с намеком*). А Якуб?

Отец. Его пригласила Яна.

Входит доктор С т р а х, несет бутылку пива и три бокала.

Страх. Вы кое-что забыли прихватить. (*Раздает бокалы*.)

Отец. А вы все замечаете, доктор!

Страх Профессиональная привычка. (*Наливает*.)

Отец (*Бановскому*). Выпей и ты. Можно, доктор?

Страх. Безусловно. И постарайтесь забыть, что я врач. Я тут не на службе.

Бановский. Попробуем.

Отец. Доктор... ну?

Страх молчит.

Бановский (*протягивая Страху бокал*). Выпейте пива, доктор. Я вижу, у вас пересохло в горле.

Отец (*не спуская глаз со Страха. Бановскому*). Я справлялся у доктора о твоём... хм... здоровье... Он тоже считает, что... это тебе не по плечу... Ты должен щадить себя... Я был прав.

Бановский (*в упор смотрит на Страха*). Только что вы сказали, что вы тут не на службе.

Отец. Я не могу сознательно ставить под угрозу твоё здоровье. Этого ты от меня не дождешься...

Бановский. Спасибо вам обоим за заботу. Вижу, есть ещё добрые люди на свете... (*Подчеркнуто осторожно ставит бокал на место.*)

Входят П е т е р и Я к у б, несут кресла и столик.

Якуб. Хватит? (*Расставляет кресла полукругом.*)

Отец. Спасибо.

Якуб (*приспально глянув на Бановского*). Ну что, пан инженер, вы уже на обеих лопатках?

Бановский не отвечает.

Но праздник все-таки будет? Как вы себя чувствуете? Прекрасно? Великолепно?

Бановский (*уныло*). Прекрасно. Великолепно. Сам себе кажусь очередным блюдом на праздничном столе.

Якуб. Ничего, пан инженер. Все мы тут разные блюда в одном меню.

Петер. Ещё что-нибудь?

Отец. Помогите бабушке у очага.

Якуб и Петер уходят.

Располагайтесь.

Страх (*садится*). А вы не хотите присесть?

Отец и Бановский тоже садятся. Наступает молчание.

Отец (*чтобы прервать затянувшуюся паузу*). Скажите, доктор, трудно быть хирургом?

Страх. А директором или заместителем директора?

Бановский (*не сдержавшись*). Бывшим заместителем.

Страх. Когда-нибудь мы все станем бывшими. Рано или поздно.

Бановский. И то правда.

Отец. Простите, но мне интересно, почему вы все же избрали профессию хирурга?

Страх. Ответить на ваш вопрос нелегко. Один наш профессор говаривал, что хирурги знают довольно мало, зато почти всегда помогают больным. Терапевты знают куда больше и тоже изредка помогают. Психиатры знают о человеке больше всех, но...

Отец. Понимаю.

Бановский. Сами психиатры на этот счет, вероятно, иного мнения.

Страх. И кроме того, могли бы вы себе представить, чтобы человек с моей фамилией был психиатром?

Первое, что должен сделать психиатр, – это избавить пациента от страха.

После краткой паузы Отец, а затем Бановский смеются.

Вот видите? А под наркозом пациент протестовать не может.

Входят Якуб и Яна. Яна нарядно одета, держит Якуба за руку. Вся сияет.

Яна. Добрый вечер.

Якуб. Минуточку! (*Ставит перед Яной клетку.*)

Чтоб вручить подарок Яне
Я объехал целый свет,
Потому что нашей Яне
Нынче будет двадцать лет.
На базаре в Парагвае
Продавались попугаи,
В старых лавочках Гаваны
Продавались обезьяны.
Целый свет я обошел,
А подарка не нашел.
Наконец приехал в Грецию
И купил там алопецию!

Вручает Яне клетку с птичкой, Яна восхищенно ее рассматривает.

Страх. Когда здесь будут принимать официальные поздравления?

Яна (*просто*). Хоть сейчас.

Страх. В таком случае мы должны принести соответствующий реквизит.

Бановский и Страх уходят. Яна и Якуб садятся в освободившиеся кресла. Напряженная пауза.

Якуб. Пан директор... Я прошу у вас Яниной руки.

Отец (*пораженный*). Но не так же... с бухты-барахты. (*Яне.*) Мама знает?

Яна. Знает.

Отец. Ну и что?

Яна. Мама в шоке.

Отец. И ты сообщаем это как бы между прочим?

Яна. Ничего особенного.

Якуб. Обыкновенная истерия.

Отец. А вас я попрошу...

Якуб. Мне казалось, с вами я найду общий язык.

Отец. Сомневаюсь.

Якуб. За что вы меня ненавидите?

Отец. Ненавижу? Ерунда!

Яна. Тогда почему ты против?

Якуб. Попробуйте привести хоть один разумный довод.

Отец. Просто вы друг другу не пара.

Яна. Я думала – это мое дело.

Отец. Ты еще мне спасибо скажешь!

Яна (*встав с кресла*). Не скажу.

Якуб. В конце концов, Яна взрослая. Может поступать как сочтет нужным. Я только хотел соблюсти форму. Ведь вы так это любите.

Отец. Речь не о форме. Просто вы для Яны неподходящий партнер.

Якуб. Прежде говорили – партия. Но теперь это уже не в моде.

Яна. Как жаль, что наша мама не была хотя бы графиней, когда ты сделал ей предложение. Это было бы занятно.

Отец (*не понимает*). Что ты этим хочешь сказать?

Яна. Порой мне кажется, что я по меньшей мере графского рода. Вашими стараниями.

Отец. Ну, знаешь!..

Яна. Вообразили себя невесть какими дворянами. И чем кичитесь – пролетарским происхождением! Твоим дворянским гербом стал мастерок, который ты уже и держать-то в руках разучился! Я надеялась – хоть где-то, на самом доньшке души, ты прежний!..

Отец (*поражен*). В моей душе можешь не сомневаться! Ты – нет! И не дави на меня идеологией. Ты не хуже меня знаешь, что я всего достиг собственным трудом. Вот этими руками! Этой головой! То, чем я стал!..

Яна. Вот именно – стал!.. Мещанином!

Отец (*не может опомниться*). Я?! Надеюсь, ты шутишь?

Якуб. Недозволенный прием? А вы все еще считали себя рабочим? Цирк!

Отец. Так по-вашему, я не рабочий?

Якуб. Допустим – рабочий. Кто же тогда я?

Отец. Недоучившийся студент.

Якуб. Однако этот недоучившийся студент уже восемь месяцев по восемь часов в сутки вкалывает в каменоломне. Вот этими руками.

Отец. За восемь месяцев рабочим не становятся.

Якуб (*перебивает*). А как долго остается рабочим тот, кто когда-то им был?

Отец. Всю жизнь.

Якуб. Даже если он двадцать лет работает только чужими руками?

Отец. Это уж не вашего ума дело.

Вдруг загораются фонарики.

Отец. Что это значит?

Яна. Не видишь? Фонарики.

Якуб (*спокойно*). Это значит, что Петер не может дождаться темноты.

Вбегает П е т е р, мечтательно улыбается и не сводит глаз с пестрой красоты сверкающих в вечерних сумерках фонариков.

Петер. Получилось! Якуб, получилось! Посмотри, какие веселые краски! Не хватает только девочки на роликах! (*Отцу*.) Разве не замечательно? Просто фантастика!

Отец (*глядит его по голове*). Ты прав. Замечательно.

Петер. А какой вечер! Какой чудесный вечер! Слышите?

Отец. Что?

Петер. Музыка.

Отец растерянно смотрит на восторженного Петера.

Яна. Слышим.

Петер (*Отцу*). А ты?

Отец (*в нерешительности*). Нет, не слышу...

Петер. Слушай. (*Начинает дирижировать невидимым оркестром.*) Не слышишь?

Яна, зарыдав, убегает, вслед за ней Якуб.

А теперь? Ты слышишь? Слышишь, какая красота?

Отец. Нет.

Петер. Тебе не хочется плакать?

Отец не отвечает.

Ты поплачь.

Отец. Не могу.

Петер. Попробуй... Самое трудное – начать. Я всегда думал, что нужны силы, чтобы не плакать. Видишь, как я ошибался?

Отец (*вдруг резко вскочив, подбегает к Петеру, начинает трясти его за плечи*). Замолчи! Прошу тебя, замолчи! У меня уже не хватает сил слушать твои бредни! Ну где она, твоя музыка? Где девочка на роликах? Где? Перестань, наконец, меня мучить! (*Прижав к себе Петера, крепко его обнимает.*) Я уже совсем потерял голову...

Петер (*осторожно высвободившись из его объятий*). Ничего... И ты когда-нибудь услышишь. Но для этого нужно остановиться. Ты все время бежишь. Нужно остановиться, или ты упадешь... А я не хочу, чтобы ты упал. (*Озирается по сторонам.*) Яна ушла?

Отец молча кивает.

Почему?

Отец беспомощно пожимает плечами.

Позвать ее?

Отец. Не надо.

Петер. У нее сегодня день рождения. Это ее вечер.

Отец. Прошу тебя, уйди.

Петер. Не оставайся долго один.

Отец. Хорошо, хорошо.

Петер. Обещай мне.

Отец. Обещаю. Иди же!

Петер. Я скоро вернусь.

Петер уходит. Отец принимается бесцельно бродить по саду, временами дотрагиваясь до фонариков.

Возвращаются Страх и Бановский с букетами цветов.

Страх (*озираясь по сторонам*). А где ваша новорожденная?

Отец. Ушла.

Страх. Якуб?

Отец кивает.

Шалопай несчастный!

Бановский. Что делать с цветами?

Страх. Она вернется.

Отец. Вряд ли вы ее дождетесь. Яна упряма, как ослица.

Бановский. Вся в отца.

Вбегают П е т е р.

Петер. Который час?

Страх. Скоро восемь.

Петер (*смотрит на свои часы*). Я думал, мои остановились.

Отец. Как там с ужином?

Петер. Ужин готов, только мама еще колдует над чем-то из фруктов.

Входит Я н а, на подносе несет бокалы. Вслед за ней – Я к у б с бутылкой шампанского.

Отец. Что это?

Яна. Шампанское.

Якуб. Прошу прощения, сейчас будет маленький взрыв.

Отец (*удивленно*). До ужина?

Яна (*иронически*). В высших кругах это принято. Ты еще не знаешь?

Отец. Увы, нет.

Яна. Странно. Или тебя не принимают в высших кругах, или на тебе экономят.

Якуб незаметно трясет бутылку, чтобы шампанское выстрелило громче.

Страх (*с букетом делает шаг к Яне*). Чтобы вы никогда не нуждались в моих услугах.

Яна. Спасибо, доктор.

Бановский. Желаю тебе большого счастья, здоровья, любви и всего-всего, о чем ты мечтаешь, Янка.

(*Целует ее в обе щеки.*) А эти ветки от тети Бетки. Велела тебя обнять.

Яна. Спасибо. (*Якубу.*) Огонь!

Якуб с громким выстрелом откупоривает бутылку.

Петер (*радостно*). Огонь! (*Осыпает Яну легкими, быстрыми поцелуями. Похож на счастливого щенка.*)

Яна (*освобождаясь*). Хватит уж, хватит!

Якуб разливает шампанское по бокалам и разносит вино гостям.

Отец (*до сих пор наблюдавший чуть со стороны*). Я бы тебе пожелал быть счастливее, чем я. (*Залпом осушает бокал. Отставив его, вынимает из нагрудного кармана продолговатую коробочку, в какие обычно упаковывают драгоценности.*) Это тебе. Хоть и говорят, что жемчуг к слезам, но я в приметы не верю.

Яна (*приняв подарок, холодно целует Отца в щеку*). Спасибо.

Отец (*разочарованно*). Ты даже не посмотришь?

Яна (*уклончиво*). Здесь уже темно.

Петер (*радостно*). Темно! Слышишь, Якуб? Темно!

Якуб жестом успокаивает его.

Яна. Мы с вами прощаемся.

Бановский. Как это? День рождения без новорожденной?

Яна. Якуб неважно себя чувствует. По-моему, у него температура.

Страх (*подойдя к Якубу*). Правда?

Якуб (*глядя в сторону*). Кажется, да...

Петер. Ты не можешь уйти, Якуб! А как же... (*округлыми движениями пытается изобразить фейерверк.*)

Якуб. В другой раз.

Бановский. Не надо уходить, это твой праздник, Янка.

Яна. Вы даже не представляете себе, как мне неприятно... Поверьте.

Петер незаметно исчезает.

Отец. Учти, Яна, если ты сейчас уйдешь...

Яна. Можешь не продолжать. Знаю. (*Усталым движением возвращает Отцу подарок.*)

Страх. Якуб, скажите ей что-нибудь.

Якуб. Это ее праздник.

Яна. Был мой праздник. Я так его ждала!

Бановский. Почему же ты...

Неожиданно фонарики гаснут. Все погружается во тьму.

Страх. Что случилось?

Якуб (*вдруг понимает*). О Господи, Петер! (*Резко оттолкнув стоящего на пути Страх, убегает.*

Короткая пауза. Вдруг сцена освещается разноцветными огнями фейерверка, тишину пронзает характерный трест рвущихся осветительных ракет. Все, ослепев, следят за взлетающими огнями.

Появляется Якуб, неся на руках бесчувственного Петера.

Якуб (*с трудом опуская Петера на землю, кричит*). Помогите!

Первым приходит в себя Страх.

Страх (*помогая Якубу*). Свет, быстро!

Бановский убегает, загораются фонарики. Яна начинает быстро срывать с них абажуры. Постепенно сцену заливают яркий свет обнаженных ламп. У Якуба лицо в саже, руки обожжены, на рубахе прогоревшие дыры. Страх, склонившись над Петером, бегло его осматривает.

Отец (*в отчаянье*). Жив?

Страх. Ничего серьезного.

Якуб (*оглушенный взрывом, кричит*). Как Петер?

Страх. Без сознания.

Якуб (*глядя на Яну*). Что он сказал?

Яна (*все еще с фонариком в руке, кричит*). Жив!

Страх (*стягивая с Якуба рубаишку, чтобы она не пристала к обожженным местам*). Тут дела похуже. (*Якубу.*) Терпение! (*Никак не может содрать рубаишку.*) О, черт! (*Отцу.*) Вызывайте скорую помощь.

Отец. Да, да! (*Бежит к дому.*)

Страх (*склонившись над Якубом*). Якуб, Якуб! Вы слышите меня?

Якуб вяло кивает.

Дышите глубоко. Скоро начнет здорово припекать. Мы вызываем скорую.

Вбегают насмерть перепуганные М а т ь и Б а б у ш к а.

Мать (*бросается к Петеру*). Петричек!

Бабушка (*стоит как изваяние*). Не называй его Петричек.

Мать (*не понимая*). Ты совсем рехнулась!

Бабушка (*неуступчиво*). Не называй его Петричек.

Петер (*делает слабую попытку встать*). Правильно, Бабушка. Где Якуб?

Страх (*поддерживая Петера, поворачивает его голову в сторону Якуба*). Вот он.

Петер (*удивленно*). У него... вокруг головы сияние! Видите?

Яна (*сквозь слезы*). Что он говорит? (*Смотрит на Страха.*)

Страх. Он все еще ослеплен взрывом. Это скоро пройдет. (*Все его внимание направлено на Якуба.*) Якуб, вы слышите меня?

Якуб (*слабо махнув рукой*). Порядочек, доктор. (*Через силу улыбается.*) Все идет как по писаному... Офигеть!

Петер (*локтем толкает Якуба в бок*). Зачем ты меня повалил? У меня все кости трещат. (*Начинает смеяться.*)

Якуб. Если бы я тебя не повалил... Ты бы теперь...

Петер (*смеется*). И куда только смотрел мой ангел-хранитель?

Якуб. Возможно, он хотел увидеть фейерверк.

Издали доносится сирена скорой помощи.

Мать. Наконец-то!

Страх (*Бановскому*). Помогите мне довести Якуба.

Яна. А я?

Страх. Позаботьтесь о Петере.

Якуб (*с помощью Страха и Бановского встает*). Петер, эта птичка... (*С трудом договаривает.*) ...вовсе не Алопеция Ареата.

Петер (*опираясь на Яну*). Жаль, это красиво звучит. А как она называется по правде?

Якуб. Понятия не имею.

Страх и Бановский поддерживают с трудом идущего Якуба. Яна с Матерью помогают идти Петеру. Остается лишь застывшая, как истукан, Бабушка. Возвращается Отец. Растерянно озирается.

Отец. Ушли?

Бабушка. Ушли.

Отец (*беспомощно*). Все?

Бабушка. Все.

К о н е ц